

Конокрады

Автор:

[Александр Куприн](#)

Конокрады

Александр Иванович Куприн

«Вечером, в середине июля, на берегу полесской речонки Зульни лежали в густом лозняке два человека: нищий из села Казимирки Онисим Козел и его внук, Василь, мальчишка лет тринадцати. Старик дремал, прикрыв лицо от мух рваной бараньей шапкой, а Василь, подперев подбородок ладонями и сощутив глаза, рассеянно смотрел на реку, на теплое, безоблачное небо, на дальний сосновый лес, резко черневший среди пожара зари...»

Александр Иванович Куприн

Конокрады

I

Вечером, в середине июля, на берегу полесской речонки Зульни лежали в густом лозняке два человека: нищий из села Казимирки Онисим Козел и его внук, Василь, мальчишка лет тринадцати. Старик дремал, прикрыв лицо от мух рваной бараньей шапкой, а Василь, подперев подбородок ладонями и сощутив глаза, рассеянно смотрел на реку, на теплое, безоблачное небо, на дальний сосновый лес, резко черневший среди пожара зари.

Тихая река, неподвижная, как болото, вся была скрыта под сплошной твердой зеленью кувшинок, которые томно выставляли наружу свои прелестные, белые, непорочные венчики. Лишь на той стороне, у берега, оставалась чистая, гладкая, не застланная листьями полоса воды, и в ней мальчик видел отраженные с необыкновенной отчетливостью: и прибрежную осоку, и черный зубчатый лес, и горевшее за ним зарево. А на этом берегу, у самой реки, в равном расстоянии друг от друга стояли древние, дуплистые ветлы. Короткие прямые ветки топорщились у них кверху, и сами они – низкие, корявые, толстые – походили на приземистых старцев, воздевших к небу тощие руки.

Тонким, печальным свистом перекликались кулички. Изредка в воде тяжело бултыхалась крупная рыба. Мошкara дрожала над водой прозрачным, тонким столбом.

Козел вдруг приподнял голову с земли и уставился на Василя оторопелым, бессмысленным взглядом.

– Ты что сказал? – спросил он невнятно, хриплым голосом.

Мальчик ничего не ответил. Он даже не обернулся на старика, а только медленно, с упрямым, скупающим выражением опустил и поднял свои длинные ресницы.

– Скоро придут, – продолжал старик, точно разговаривая сам с собой. Треба, пока что, покурить.

Он вяло перевалился на бок и сел на корточки, по-турецки. На обеих руках у него были отрублены все пальцы, за исключением большого на левой руке, но этим единственным пальцем он ловко и быстро набил трубку, придерживая ее культишкой правой руки о колено, достал из шапки спички и закурил. Сладковатый, похожий сначала запахом на резеду, дымок махорки поплыл синими струйками в воздухе.

– Что же, ты сам видел Бузыгу? – как будто нехотя спросил Василь, не отводя глаз от заречной дали.

Козел вынул трубку из рта и, нагнувшись на сторону, звучно сплюнул.

– А как же? Известно, сам... Ух, отчаянный челявга. Совсем как я в старые годы. Гуляет по целому селу, пья-а-ный-распьяный... как ночь!.. Жидков-музыкантов нанял, те попереди его жаривают, а он себе никаких. В правой руке платок, сапоги в новых калошах, на жилетке серебряная чепка. Пришел до Грипы Ковалевой: «Гей, курва, горилки!» В стакан бросил серебряного рубля, горилку выпил, а деньги музыкантам кинул. Хлопцы за ним так чередой и ходят, так и ходят... Косятся, как те собаки на волка, но а ни-ни! Ничего не могут, только зубами на него клямкают.

– О? – воскликнул с восторженным недоверием мальчик.

– Обыкновенно... А ему что? О-го-го!.. Ему плевать на них. Я твоих коней не крал? – значит, и ты до меня не цепляйся. От, если бы я твои кони украл да ты бы словил меня, – ну, тогда твой верх: имеешь полное право бить. А то – не-ет, шалишь... Это не проходит.

Мальчик молча глядел на реку. На ней уже начали покрикивать, сперва изредка, точно лениво, звонкие лягушечьи голоса. Вечерний туман дымился в камыше и легким, как кисея, паром вился над водой. Небо потемнело и позеленело, и на нем яснее выступил незаметный до сих пор полукруг молодого месяца.

– Козел, а правду говорят, что у Бузыги ребра двойные? – спросил задумчиво Василь. – Что будто его никогда убить нельзя? Правда тому?

– Истинная правда. Как же иначе? У него все ребра срослись, до самого пупа. Такого, как Бузыга, хоть чем хочешь бей, а уж печенок ты ему, брат, не-ет... не отобьешь. Потому что у него печенки к ребрам приросли. А у человека печенки – это первая штука. Если у человека отбиты печени, то тому человеку больше не жить. Заслабнет, начнет харкать кровью: ни есть, ни пить не может, а там и дуба даст...

Мальчик пощупал свою грудь, тонкие бока, впалый живот и протяжно вздохнул.

– А то еще вот, говорят, что двойная спина бывает... как у лошадей, сказал он печально. – Правда это, Козел?

– Это тоже правда. Бывает.

– А у Бузыги?

– Что у Бузыги?

– У него тоже двойная спина?

– Ну, уж этого я не знаю. Не могу сказать.

– Я думаю, у него тоже двойная...

– Все может быть, – покачал головой старик. – Все может быть... Главное, Бузыга – он хитрый на голову. О-го-го! Это такой человек! В Шепелевке он раз попался... Хотя, скажем, и не попался, а выдал его один хлопец. Из-за бабы у них зашлось. Накрыли его с конями в поле... Было это вечером. Ну, обыкновенно, привезли в хату, зажгли огня и стали бить. Всю ночь били насмерть, чем попало. Мужики, если бьют, так уж у них, известно, такой закон, чтобы каждый бил. Детей, баб приводят, чтобы били. Чтобы, значит, потом всей громаде зараз отвечать. Вот, бьют они его, бьют, устанут, давай горилку возле него пить, отдышутся трошки – опять бьют. А Митро Гундосый видит, что Бузыга уже ледве дышает, и говорит: «Почекайте, хлопцы, как бы злодий у нас не кончился. Заждите, я ему воды дам». Но Бузыга – он хитрый – он знает, что если человеку после такого боя дать воды напиться, то тут ему и смерть. Справился он как-то и просит: «Православные хрестьяне, господа громада, как бы вы мне поднесли одну кляшечку горилки, а там хоть снова бейте. Чую я, что конец мой подходит, и мне хочется перед смертью в опушный раз попробовать вина». Те засмеялись, дали ему склянку. Потом уже больше не мучили – все равно, видят, человек и сам помирает, – а отвезли его в Басов Кут и бросили, как то стерво. Думали, там и кончится. Однако ничего: не поддался Левонтий, выдыхал... Через два месяца у Митро Гундосого пара коней сгнула. Добрые были кони...

– О! Это Бузыга? – радостно вскрикнул мальчик.

– Кто бы ни был, не наше дело, – значительно и злобно возразил Козел. Приходил после того Гундосый до Бузыги, в ногах у него валялся, ноги ему целовал. «Возьми гроши, только укажи, где кони. Ты знаешь!» А тот ему отвечает: «Ты бы, Митро, воды пошел напился». Вот он какой, Бузыга!..

Старый нищий замолчал и стал с ожесточением насасывать трубку. Она сочно хрипела, но не давала уже больше дыму. Козел вздохнул, выколотил трубку о свою босую подошву и спрятал ее за пазуху.

Лягушки заливались теперь со всех сторон. Казалось, что весь воздух дрожал от их страстных, звенящих криков, которым вторили глухие, более редкие, протяжные стоны больших жаб. Небо из зеленого сделалось темно-синим, и луна сияла на нем, как кривое лезвие серебряной алебарды. Заря погасла. Только у того берега, в чистой речной заводи, рдели длинные кровавые полосы.

– Козел, я, когда вырасту, тоже буду коней красть! – произнес вдруг тихим, горячим шепотом мальчик. – Не хочу милостыню собирать. Я буду как Бузыга.

– Тес... постой... – встрепенулся старик. Он поднял кверху свой страшный палец и, наклонив голову набок, внимательно прислушался. – Идут!

Василь быстро вскочил на ноги. В густой заросли ивняка чуть слышно шлепала вода под чьими-то шагами. Мужские голоса говорили глухо и монотонно.

– Гукни, Василь, – приказал старик. – Только не швидко.

– Гоп-гоп! – крикнул мальчик сдавленным от волнения голосом.

– Гоп! – коротко отозвался издали сдержанный спокойный бас.

II

Кудрявые верхушки лозняка закачались, раздвигаемые осторожной рукой. Из кустов на притоптанное, сухое местечко, где дожидались нищий и мальчик, бесшумно вынырнул, согнувшись вдвое, коротконогий, бородатый, неуклюжий с виду мужичонка в рваной коричневой свитке. Прямые, жесткие волосы падали у него из-под капелюха на брови, почти закрывая черные косые глаза, глядевшие мрачно и недоверчиво исподлобья. Голову он держал наклоненной вниз и немного набок, по-медвежьи, и когда ему приходилось посмотреть в сторону, то он не поворачивал туда шею, а медленно и неловко поворачивался всем телом,

как это делают люди-кривошеи или больные горлом. Это был Аким Шпак, известный пристанодержатель и укрыватель краденого. Он же указывал верные места для дела и «подводил» конокрадам лошадей.

Шпак пристально, с враждебным видом оглядел старика и мальчика и, затоптавшись на месте, повернул назад свое несуразное тело с неподвижной шеей.

– Бузыга, сюда! – сказал он сипло.

– Здесь! – весело, по-солдатски, ответил низкий, самоуверенный голос. Бывайте здоровенькие, панове злодіи.

На прогалину вышел рослый рыжий человек в городском платье и высоких щегольских сапогах. Он протянул было руку Козлу, но, заметив свою ошибку, тотчас же спохватился.

– А, черт... Я забыл, что тебе нечем здоровкаться, – сказал он небрежно. – Ну здравствуй так. А это тот самый хлопец, про которого говорили? – показал он на Василя.

– Тот, тот, – поспешно закивал головой старый нищий. – О, это такой проворный хлопец... все равно как пуля. Что ж, седай, Левонтий?

– Сяду – гостем буду; угощу горилкой – хозяином буду, – равнодушно пошутил Бузыга, опускаясь на землю. – Аким, достань там, что есть.

Аким вынул из холщовой торбы полштоф водки, несколько каленых темных яиц, половину большого хлеба и положил все это на траву, подле Бузыги. Козел жадно следил за каждым движением и своим единственным пальцем нервно тербил седой подстриженный ус.

– А я уж думал, что не придешь ты, – сказал старый нищий, обратив лицо к Бузыге, но не отрывая глаз от рук Акима. – Видел я тебя днем в Березной... пьяней вина... Ну, думаю, не придет вечером Бузыга. Куда ему... Х-ха! А по тебе и не видно.

– Меня горилка не берет, – вяло уронил Бузыга. – Прикидывался я. Да и спал до вечера.

– У Грипы спал?

– А тебе что? Ну, у Грипы.

– Нет, я так, ничего... Любят тебя бабы.

– А черт их дери. Пускай любят, – равнодушно пожал плечами Бузыга. Или тебе завидно?

– Где уж мне! Я забыл, как и думают про это... Небось не пускала она тебя?

– Еще бы! Меня не пустишь!.. – Бузыга прищурился и самоуверенно мотнул подбородком вверх. – Пей лучше горилку, старый. Ты, я вижу, все около чего-то крутишься. Спросил бы прямо.

– Чего мне спрашивать? Мне нечего спрашивать. Я просто так... Пью до вас, пане Бузыга. Бывайте здоровенькие, пошли вам бог успеха во всех делах ваших.

Старик ухватил своим пальцем, как подвижным крючком, горлышко бутылки и дрожащей рукой поднес его ко рту. Долго цедил он по каплям сквозь зубы водку, потом передал бутылку Бузыге, утерся рукавом и спросил с деланной развязностью:

– Пытала она тебя, куда собрался?

– Кто?

– Да Грипа же.

Бузыга внимательно и серьезно поглядел старику в лоб.

– Спрашивала. Ну? – протяжно произнес он, сдвигая брови.

– Да я же... Да господи... я просто так себе... Я же знаю, что ты все равно не скажешь...

– Вы бы заткнулись лучше, дядько Козел, – веско посоветовал, глядя куда-то вбок, молчаливый Аким.

– Ой, хитришь ты, старая собака, – сказал Бузыга, и в его сильном голосе дрогнули, нежданно прорвавшись, какие-то звериные звуки. – Смотри, брат, – тебе Бузыгу не учить. Когда Бузыга сказал, что он в Крешеве, то, значит, его будут шукать в Филипповичах, а Бузыга тем часом в Степани на ярмарке коней продает. Тебе Шпак правду говорит: лучше молчи.

Во все время, пока Бузыга говорил, Василь не сводил с него пристального и тревожного взгляда. В наружности конокрада не было ничего необыкновенного. Его большое, изрытое оспой лицо, с крутыми рыжими солдатскими усами, было неподвижно и казалось скучающим. Маленькие голубые глаза, окруженные белыми ресницами, смотрели сонно, и только в самую последнюю минуту в них зажглось странное – острое и жестокое выражение. Движения у него были медленные, ленивые и как будто рассчитанные на то, чтобы тратить на них наименьшие усилия, но его могучая, круглая шея, выступавшая из косого ворота рубашки, длинные руки с огромными рыжеволосыми кистями, наконец, широкая, свободно согнувшаяся спина говорили о телесной силе необычайных размеров.

Под влиянием упорного взгляда мальчика Бузыга невольно повернул к нему голову. Глаза его сразу погасли, и лицо сделалось равнодушным.

– Ты что на меня задивился, хлопчик? – спросил он спокойно. – Как тебя зовут?

– Василь, – ответил мальчик и тотчас же откашлялся: таким слабым и свистящим показался ему собственный голос.

Козел угодливо хихикнул.

– Хе-хе-е! Ты его, Бузыга, спроси, что он будет делать, когда подрастет? Перед тобой мы с ним балакали. Не хочу, говорит, Христа ради просить, как ты. А я, говорит, буду как Бузыга... Я уж с него смеялся, аж боки рвал! – соврал для чего-то Козел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-kuprin/konokrady>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)